

Глава 1

Айвори

Нищета.

Раньше было не так тяжело.

Возможно, потому что я плохо помню свое детство. Потому что тогда я была счастлива.

Теперь все, что осталось, — это боль, крики и неоплаченные счета.

Я мало что знаю о мире, но убеждена, что гораздо труднее смириться с тем, что ты никому не нужна и несчастна, чем остаться без еды.

Желудок сжимается все сильнее. Может, если меня стошнит перед выходом из дома, я перестану так сильно нервничать и начну мыслить ясно.

Вот только я не могу позволить себе терять калории.

Я делаю глубокий вдох, убеждаясь, что пуговицы на моей самой красивой рубашке на месте, а внушительных размеров грудь по-прежнему скрыта. Юбка длиной до колен сидит на мне сегодня лучше, чем при примерке в комиссионном магазине, а балетки... Проехали. Я ничего не могу поделаться с потрескавшимися подошвами и потертыми носами. Это единственная обувь, которая у меня есть.

Я выхожу из ванной комнаты и на цыпочках пробираюсь через кухню, расчесывая дрожащими пальцами волосы. Мокрые пряди падают мне на спину и пропитывают рубашку. Вот черт, просвечивает ли бюстгальтер сквозь влажную ткань? Нужно было зачесать во-

лосы наверх или высушить их, но на это нет времени, и я снова начинаю паниковать.

Господи, мне не стоит так волноваться. Сегодня всего лишь первый день школы. Их у меня было много. Вот только это мой выпускной год.

Год, который определит всю мою дальнейшую жизнь.

Одна ошибка, средний балл аттестата, далекий от идеального, нарушение дресс-кода, малейший проступок перетянут внимание от моего таланта к бедной девушке из Тримейя. Каждый мой шаг по осуждающим мраморным коридорам академии Ле-Мойн — это стремление доказать, что я более многогранна, чем та девушка.

Ле-Мойн — одна из самых признанных, элитных и дорогих школ исполнительского искусства в стране. И это безумно пугает. Не имеет значения, что я лучшая пианистка в Новом Орлеане. С первого года обучения администрация академии искала повод исключить меня, чтобы занять мое место учеником не только талантливым, но и способным вносить значительные финансовые пожертвования.

Вонь застоявшегося табачного дыма возвращает меня к реальности. Я щелкаю выключателем на кухне, освещая груды раздавленных пивных банок и пустых коробок из-под пиццы. Раковина завалена грязной посудой, по полу разбросаны окурки, и что это, черт побери, такое? Я наклоняюсь над столешницей и, прищурившись, разглядываю остатки гари на ложке.

«Вот же мудаки!» Мой брат использовал нашу лучшую посуду, чтобы ширнуться? Кипя от злости, я хватаю ложку и выбрасываю ее в мусорное ведро.

Шейн утверждает, что не может оплатить счета, но безработный ублюдок всегда находит деньги на выпивку и наркотики. И не только это: когда я легла спать, кухня была безупречно чистой, не считая

покрывающей стены плесени и отслаивающегося от столешниц ламината. Черт возьми, это ведь наш дом! Единственное, что у нас осталось. Они с мамой понятия не имеют, что мне приходится терпеть, чтобы мы могли вовремя платить взносы по ипотеке. Надеюсь, они никогда этого не узнают, ради их же блага.

Мягкая шерстка касается ноги, и я опускаю взгляд на пол. Огромные золотистые глаза на рыжей полосатой мордочке смотрят на меня снизу вверх, и напряжение в плечах мгновенно улетучивается.

Шуберт задирает свою лохматую мордочку и, подергивая хвостом, трется о мою ногу. Он всегда знает, когда я нуждаюсь в ласке. Временами мне кажется, что он единственная любовь, оставшаяся в этом доме.

— Мне пора идти, малыш, — шепчу я, наклоняясь, чтобы почесать его за ушком. — Будь хорошим котиком, ладно?

Я достаю последний ломтик бананового хлеба, который спрятала в глубине кухонного буфета, радуясь, что Шейн его не нашел. Заворачиваю хлеб в бумажное полотенце и пытаюсь как можно тише пробраться к входной двери.

Наш ветшающий дом шириной в одну комнату, а длиной в пять. В нем нет коридоров, все комнаты переходят одна в другую, а двери расположены таким образом, что если бы я стояла на задней веранде с дробовиком и выстрелила по входной двери, то не задела бы при этом ни одну стену.

Но я могла бы задеть Шейна. Умышленно. Потому что он гребаная обуза и ничтожество, попусту растрачивающее свою жизнь. А еще он старше меня на девять лет, весит на сто пятьдесят фунтов больше и мой единственный родной брат.

Столетние деревянные полы скрипят под ногами, и я замираю, затаив дыхание, в ожидании пьяных воплей Шейна.

Тишина. *«Спасибо тебе, Господи».*

Прижав завернутый хлеб к груди, я прохожу сначала через мамину комнату. Полчаса назад, еще не до конца проснувшись, я прошаркала в темноте через нее в ванную. Но теперь, с включенным на кухне светом, который проникает через дверной проем, фигура на ее кровати отчетливо напоминает человеческую.

От удивления я застываю на месте, стараясь вспомнить, когда видела маму в последний раз. Две... три недели назад?

Сердце начинает трепетать. Может, она вернулась домой, чтобы пожелать мне удачи в первый учебный день?

Тремя тихими шагами добираюсь до ее кровати. Прямоугольные комнаты тесные и узкие, но потолки поднимаются на двенадцать футов, а то и выше. Папочка любил говорить, что скатная крыша и вытянутая планировка были вентиляционной конструкцией, призванной обеспечить непрерывный поток его любви.

Но папочки больше нет, и теперь здесь гуляет сквозняк от оконных рам, разнося по дому затхлый запах разложения.

Я наклоняюсь над матрасом, стараясь рассмотреть в тени мамы коротко стриженные волосы. Вместо этого меня встречает горький запах пива и травки. *«Ну конечно».* По крайней мере, она одна. Я вовсе не горю желанием встречаться с очередным мужиком, с которым она уже месяц как путается.

Стоит ли ее будить? Инстинкт подсказывает мне не делать этого, но черт побери. Мне так не хватает материнских объятий.

— Мама? — шепчу я.

Бугор на кровати шевелится, и из-под одеяла раздаётся низкий стон. Мужской и до ужаса знакомый.

По спине пробегает холодок, заставляя отпрянуть назад. Почему лучший друг моего брата в постели моей матери?

Лоренцо резко вскидывает мощную руку и хватается меня за шею, притягивая к себе.

Я роняю хлеб на пол в попытке оттолкнуть его, но он сильный, отвратительный и никогда не понимающий слова «нет».

— Нет. — Я все равно сопротивляюсь, повышая от страха голос, в ушах бешено стучит пульс. — Прекрати!

Он валит меня на кровать лицом вниз, прижимая своим потным телом и обдавая пивным перегаром. Я задыхаюсь под его весом, его руками... О боже, у него эрекция. Он тычет ею в мой зад, задирая юбку, а его тяжелое дыхание царапает мои уши.

— Слезь с меня! — Я дико извиваюсь, хватаясь пальцами за одеяло, но все тщетно. — Я не хочу. Пожалуйста, не надо...

Он закрывает мне рот ладонью, заставляя замолчать, а вес его мощного тела сковывает мои движения.

Мое тело немеет и обмякает, превращаясь в холодную безжизненную оболочку. Я позволяю своему сознанию ускользнуть туда, где чувствую себя в безопасности, к тому, что люблю. Всем своим существом погружаюсь в таинственную атмосферу атонального ритма и легких ударов по клавишам. «Соната № 9» Скрябина. Я представляю, как под моими пальцами рождается отрывок этого произведения, слышу эту навязчивую мелодию и чувствую, как каждая вибрирующая нота затягивает меня все глубже в черную мессу. Все дальше из спальни. Дальше от моего тела. Прочь от Лоренцо.

Он подсовывает руку под мою грудь, сжимая ее, и тянет за рубашку, но я теряюсь в диссонирующих нотах, усердно воссоздаю их в своем воображении, чтобы отвлечься от происходящего. Он не может причинить мне боль. Только не здесь, где существует моя музыка. Больше никогда.

Он сдвигается, просовывая руку мне между ягодиц, под трусики, и грубо ощупывает анус, который после его приставаний всегда кровоточит.

Созданная мною соната рассыпается на отдельные ноты, и я лихорадочно пытаюсь собрать аккорды воедино. Но его пальцы неумолимы, вынуждая меня терпеть эти невыносимые прикосновения, его ладонь заглушает мой крик. Я задыхаюсь и отчаянно брыкаюсь, задевая ногой лампу на прикроватной тумбочке, и она с грохотом падает на пол.

Лоренцо замирает, сильнее зажимая мне рот рукой.

Над моей головой раздается громкий стук, от которого вибрирует стена. Это Шейн бьет кулаком из своей комнаты, и от этого у меня кровь стынет в жилах.

— Айвори! — орет он за стеной. — Ты, мать твою, разбудила меня, никчемная гребаная сука!

Лоренцо резко соскакивает с меня и пятится назад к дверному проему кухни, попадая в луч света. Черные этнические татуировки покрывают всю его грудь, а мешковатые спортивные штаны низко свисают с узких бедер. Непритязательный человек мог бы счесть его накачанное тело и выразительные латиноамериканские черты привлекательными. Но внешность — всего лишь оболочка души, а его душа прогнила насквозь.

Я скатываюсь с кровати, одергиваю юбку и хватаю с пола завернутый в полотенце кусок хлеба. Чтобы добраться до входной двери, мне придется проскочить

через комнату Шейна, а затем через маленькую гостиную. Может, он еще не вылез из кровати.

С трепещущим сердцем бросаюсь в непроглядную темноту комнаты Шейна и... Ой! Врезаюсь в его обнаженную грудь.

Предвидя реакцию брата, я уворачиваюсь от его кулака, но он впечатывает мне пощечину другой рукой. Удар настолько сильный, что я отлетаю обратно в мамину комнату, а он следует за мной, его глаза затуманены алкоголем и наркотиками.

Подумать только, раньше он был похож на папу. Но это было давно... С каждым днем светлые волосы Шейна редеют все больше, щеки все глубже впадают в болезненно-бледное лицо, а живот все больше нависает над этими нелепыми спортивными шортами.

Он не занимался спортом с тех пор, как ушел в самоволку из морской пехоты четыре года назад. В тот год наша жизнь полетела ко всем чертям.

— Какого... хрена... — рычит Шейн мне в лицо, — ты будишь этот чертов дом в пять, мать твою, утра?

По сути, уже почти шесть, и мне нужно еще кое-куда забежать перед сорокапятиминутной поездкой до школы.

— Мне надо в школу, придурок. — Несмотря на леденящий душу страх, я выпрямляюсь, расправляя плечи. — А тебе стоило бы спросить, почему Лоренцо спит в постели нашей матери, почему он лапает меня и почему я кричала, чтобы он остановился.

Я следую за взглядом Шейна, который смотрит на своего друга. Выцветшие чернила татуировок, едва различимых под темной тенью бакенбард, покрывают лицо Лоренцо по бокам. Но недавно набитая надпись на его горле такая же черная, как и его сверкающие злобой глаза. «Уничтожу», — гласит она. И по его взгляду я понимаю, что это обещание.

— Она снова ко мне приставала. — Лоренцо смотрит на меня с неприкрытым злорадством. — Ты же знаешь, какая она.

— Это полная чушь! — Я поворачиваюсь к Шейну с мольбой в голосе. — Он не оставляет меня в покое. Как только ты отворачиваешься, он срывает с меня одежду и...

Шейн хватает меня за шею и толкает лицом в дверной косяк. Я пытаюсь увернуться, но он настолько силен в своей ярости, что я врезаюсь в острый угол.

Губу пронзает резкая боль, и, почувствовав вкус крови, я задираю подбородок, чтобы не запачкать одежду.

Он отпускает меня, глядя осоловелым взглядом из-под отяжелевших век, но его ненависть вонзается в мое тело подобно острому кинжалу.

— Если ты еще хоть раз выставишь напоказ свои сиськи перед моими друзьями, я их отрежу к чертям собачьим. Усекла?

Я прижимаю руку к груди, и у меня перехватывает дыхание, когда ладонь проскальзывает в широкий вырез рубашки. Не хватает как минимум двух пуговиц. Черт! В академии внесут в мое дело дисциплинарное замечание или хуже того — исключат. Я отчаянно осматриваю кровать и пол в поисках маленьких пластиковых горошин в грудке разбросанной одежды. Мне их никогда не найти, и, если я сейчас же не уйду, будет еще больше крови и недостающих пуговиц.

Я разворачиваюсь и бегу через комнату Шейна, его яростные крики меня лишь подгоняют. В гостиной хватаю свою сумку с дивана, на котором сплю, и на следующем вдохе выскакиваю на улицу, облегченно выдыхая в серое небо. Солнце взойдет только через час, и на пустынной улице тихо.

Шагнув на лужайку перед домом, я стараюсь выбросить из головы последние десять минут, мысленно

складывая их в чемодан. Такой старомодный, обтянутый коричневой кожей, с маленькими коричневыми пряжками. Затем представляю, как чемодан стоит на крыльце. Он останется здесь, потому что такую тяжесть мне не снести.

Я совершаю короткую пробежку до 91-го маршрута, и если потороплюсь, то до следующего автобуса успею еще проведать Стоджи.

Обходя выбоины на живописных зеленых улицах, я прохожу мимо рядов коттеджей и узких прямоугольных домов, которые выкрашены в разные яркие цвета и украшены характерными для южных штатов символами. Кованые перила, газовые фонари, подъемные оконные створки и фронтоны с декором в виде резных завитков — все это можно разглядеть, если не обращать внимания на покосившиеся веранды, граффити и гниющий мусор. Пустые, заросшие земельные участки, подобно следам оспы, обезображивают городской пейзаж и служат напоминанием о последнем урагане. Но отголоски старого Тримейя процветают в плодородной почве, истории культуры и улыбках людей, которые многое пережили и называют окраины города своим домом.

Таких людей, как Стоджи.

Я подхожу к двери его музыкального магазина и обнаруживаю, что она не заперта на засов. Несмотря на отсутствие покупателей, он открывает магазин, как только просыпается. В конце концов, этим он зарабатывает себе на жизнь.

Когда я вхожу, над моей головой звенит колокольчик, и внимание непроизвольно устремляется к старому роялю «Стейнвей» в углу. Сколько себя помню, я каждое лето стучала по его клавишам, пока моя спина не начинала болеть, а пальцы не теряли чувствительность. В конечном итоге эти визиты в магазин превра-

тились в работу. Я обслуживаю его покупателей, веду бухгалтерию, занимаюсь учетом товаров и делаю все, что ему необходимо. Но только летом, когда у меня нет возможности зарабатывать другим способом.

— Айвори? — Хриплый баритон Стоджи разносится по маленькому магазинчику.

Я кладу ломоть бананового хлеба на стеклянный прилавок и кричу в сторону дальнего конца помещения:

— Только занесла завтрак.

Шарканье мягких кожаных туфель сигнализирует о его приближении, и из задней комнаты появляется сгорбленная фигура Стоджи. Этому мужчине девяносто, а он по-прежнему может передвигаться по магазину, словно его немощное тело не страдает от артрита.

Мутный блеск темных глаз свидетельствует о плохом зрении, но по мере приближения его взгляд мгновенно замечает недостающие пуговицы на моей рубашке и рану на распухшей губе. Морщины под козырьком бейсболки становятся глубже. Он уже и раньше видел подарки от Шейна, и я так благодарна, что Стоджи не задает лишних вопросов и не выказывает жалости. Возможно, я единственная белая девушка в этом районе, и я абсолютно точно единственный ребенок, который здесь учится в частной школе, но на этом различия заканчиваются. Мой жизненный опыт настолько же обычен для Тримейя, как и бусы, разбрасываемые на Бурбон-стрит во время карнавала Марди Гра.

Оглядывая меня с ног до головы, Стоджи поглаживает усы, короткие седые волоски ярко контрастируют с его угольно-черной кожей. По рукам пробегает заметная дрожь, и он расправляет плечи, без сомнения пытаясь скрыть, насколько ему больно. На протяжении многих месяцев я наблюдаю, как его здоровье ухудшается, и совершенно бессильна это остановить. Я не

знаю, как ему помочь или облегчить его страдания, и это медленно убивает меня изнутри.

Я знаю о его финансовом положении. Он не может позволить себе лекарства, визиты к врачу и даже такие элементарные вещи, как еду. И он определенно не может позволить себе нанять сотрудника, отчего мое последнее лето в качестве его работника оставило в душе нотки печали. Весной, когда закончу Ле-Мойн, я уеду из Тримейя, и Стоджи больше не будет чувствовать себя обязанным заботиться обо мне.

Но кто позаботится о нем?

Он вытаскивает из кармана рубашки носовой платок и подносит его дрожащей рукой к моей губе.

— Ты выглядишь очень элегантно сегодня утром. — Он впивается в меня своим пронизательным взглядом. — И довольно взволнованной.

Я закрываю глаза, пока он вытирает с губы кровь. Он уже знает, что моя союзница в академии уволилась с должности главного преподавателя музыки. Мои отношения с миссис Мак-Крекен складывались на протяжении трех лет. Она была единственным человеком в Ле-Мойне, который меня поддерживал. И потерять ее помощь в получении стипендии — все равно что начать все сначала.

— У меня есть только один год. — Я открываю глаза, встречаясь взглядом со Стоджи. — Один год, чтобы произвести впечатление на нового преподавателя.

— И все, что тебе нужно, — это совсем немного времени. Просто постарайся его не упустить.

Я сяду на автобус на 91-й линии в паре кварталов отсюда. Поездка займет двадцать пять минут, затем десять минут пешком до школы. Я смотрю на часы. Я приеду в школу с оторванными пуговицами и разбитой губой, но мои пальцы по-прежнему целы. Я приложу все усилия, чтобы показать себя.

Я провожу языком по порезу на губе и морщусь, почувствовав опухшую поврежденную кожу.

— Сильно заметно?

— Да. — Стоджи смотрит на меня прищуренным взглядом. — Но твоя улыбка намного заметнее.

Мои губы непроизвольно растягиваются в улыбке, что, я уверена, и было его целью.

— Вы такой льстец.

— Только когда девушка того стоит.

Стоджи открывает выдвижной ящик у бедра и роется дрожащей рукой среди медиаторов, язычков... Что он ищет?

О! Я замечаю английскую булавку рядом с его пальцем и хватаю ее, высматривая глазами еще одну.

— У вас есть еще?

— Только одна.

Немного помучившись с булавкой, я застегиваю рубашку и одариваю Стоджи благодарной улыбкой.

Слегка погладив меня по голове, он показывает жестом на дверь.

— Давай. Проваливай.

Но на самом деле он имеет в виду: «Отправляйся в школу, чтобы выбраться из этого дома. Уехать из Тримейя. Оставить эту жизнь позади».

— Да, такой у меня план. — Я протягиваю ему хлеб через прилавок.

— Ну уж нет. Забирай себе.

— Меня накормят в школе.

Я знаю, что он слышит мою ложь, но все равно принимает ее.

Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, он хватается за запястье. Я даже не ожидала, что у него еще столько сил.

— Им повезло, что у них есть ты. — В его темных глазах вспыхивает огонь. — Везучие сукины дети. Не позволяй им забыть об этом!

Он прав. То, что моя семья не может вносить щедрых пожертвований и не имеет влиятельных связей, еще не делает меня объектом благотворительности. Мое четырехлетнее обучение было полностью оплачено, когда мне было десять, и я прошла необходимые прослушивания в четырнадцать, как и мои одноклассники. Пока я продолжаю получать отличные оценки на уроках и тестах, лучше всех справляюсь с сольными выступлениями и не имею замечаний по поведению, администрации академии, возможно, будет сложнее меня выгнать.

Поцеловав Стоджи в морщинистую щеку, я иду на автобусную остановку, не в силах подавить страх, который возвращается с удвоенной силой. Что, если новый преподаватель музыки возненавидит меня, откажется обучать или не станет поддерживать при поступлении в колледж? Папочка будет убит горем. Боже, это моя самая большая душевная боль. Наблюдает ли он за мной? Видел ли папа, чем я занималась, чтобы свести концы с концами? Что мне придется делать снова уже сегодня вечером? Скучает ли он по мне так же сильно, как я по нему?

Временами ужасная рана на сердце, которую он оставил после себя, болит настолько сильно, что я не могу этого вынести. Иногда меня охватывает нестерпимое желание отдаться этой боли и присоединиться к нему, где бы он ни был.

Именно поэтому я передвигаю самое сложное испытание вверх своего списка задач.

Сегодня я буду улыбаться.

Глава 2

ЭМЕРИК

Когда ранним утром собрание профессорско-преподавательского состава подходит к концу, мои новопеченные коллеги в черно-белых накрахмаленных костюмах покидают библиотеку, звонко цокая каблучками по полу. А я остаюсь сидеть за столом, ожидая, пока толпа разойдется, и краем глаза наблюдаю за Беверли Ривар.

Во время представления коллективу в начале собрания она удостоила меня лишь одним взглядом. Вот и сейчас она сидит во главе стола, всем своим властным видом демонстрируя неоспоримый авторитет. Но как только помещение опустеет, она сделает гораздо больше. Несомненно, у нее есть еще один пункт на повестке дня, который она хотела бы обсудить. Наедине.

— Мистер Марсо. — Беверли на удивление бесшумно передвигается по мраморному полу в своих экстравагантных туфлях-лодочках и закрывает дверь за последним сотрудником, встречаясь со мной взглядом. — Пару слов, прежде чем вы уйдете.

Нам понадобится больше пары слов, но я не буду вдаваться в семантику, чтобы развеять ее заблуждение, будто она имеет надо мной власть. Существуют более изобретательные способы поставить ее на колени.

Сцепив руки перед собой, я откидываюсь в кожаном кресле, опираюсь локтем о стол и кладу лодыж-

ку на колено. Затем устремляю на нее пристальный взгляд, потому что она из тех властных особ, которые готовы использовать других в своих целях. Но на данный момент все, что она получит от меня, — это внимание.

Бeverли не спеша обходит длинный стол, ее скромный костюм с юбкой идеально сидит на стройной фигуре. Будучи на двадцать лет старше меня, она выглядит шикарно для своего возраста. Высокие, четко выраженные скулы. Тонкие, аристократические черты лица. Бледная кожа почти лишена морщин.

Трудно сказать, какого цвета ее волосы, собранные в пучок на затылке: седые или белокурые. Готов поспорить, она никогда их не распускает. Привлечение внимания мужчин не является для нее приоритетом. Нет, ее непомерная гордыня расцветает в чувстве превосходства, когда она отдает приказы другим и наблюдает, как ее подчиненные из кожи вон лезут, заискивая перед ней.

Наша первая и единственная личная встреча этим летом раскрыла некоторые черты ее характера. Остальные выводы я сделал самостоятельно. Она стала директором частной школы Ле-Мойн не благодаря доброму сердцу и не потому, что избегала конкуренции.

Я знаю не понаслышке, что требуется для руководства такой школой, как эта.

И я также знаю, как легко лишиться подобной должности.

Пока она неторопливо приближается ко мне, ее пронизательный взгляд скользит по рядам книжных полок из красного дерева, пустому столу библиотекаря и свободным диванам в дальнем конце помещения. *«Да, Beverли. Мы одни».*